

ВСТРЕЧИ

День ордененов

21 ноября — день Михаила-архангела, который отмечался в дореволюционной армии так же, как день всех российских орденов. В этот замечательный праздник в зале Победы Орловского военно-исторического музея собрались студенты авторанспортного техникума, учащиеся профессионального лицея № 9, военнослужащие одной из орловских воинских частей.

Мероприятие открыла заместитель директора Орловского краеведческого музея по военно-патри-

отической работе И.Ю. Скряченко-ва, напомнившая о том, что история человечества переполнена битва-

ми и походами, сражениями и победами. При этом история России не исключение. О славных победах воинов Александра Невского, Дмитрия Донского, Александра Суворова, других великих русских полководцев и флотоводцев напоминают дни воинской славы России, связанные с конкретными историческими датами.

В дореволюционной России были воинские праздники, связанные с традициями православной церкви

и церковным календарем. Так, в Рождество Христово в православных храмах вспоминали об избавлении России от наполеоновской армии, в Юрьев день (и осенний, и весенний) славили покровителя российских воинов Георгия Победоносца, в Дмитриевскую родительскую субботу молились за упокой души воинов, павших в Куликовской битве. А День Михаила-архангела, как уже было сказано, был днем российских орденов. Кроме того, это был храмовый праздник Орловского Бахтина кадетского корпуса.

Настоятель Воскресенского храма Марк Боронтов очень доступно объяснил полное церковное название праздника — собор Архистратига Михаила и прочих Небесных Сил бесплотных, подробно рассказал о начале небесного воинства. По православным представле-

ниям, «вождь воинства Господня» — главный борец против дьявола и всякого беззакония среди людей.

Заместитель директора краеведческого музея по научной работе В.В. Скобелев познакомил с краткой историей орденов Российской империи — Андрея Первозванного, Святой Екатерины, Святого Александра Невского, Святого Георгия и других. Выступление музейного работника сопровождалось показом орденов и орденских нагрудных знаков на большом экране.

Старший научный сотрудник областного краеведческого музея В.К. Филимонова рассказала об Орловском Бахтине кадетском корпусе, которому в этом году исполнилось 165 лет. Ребята узнали много интересного об истории создания этого военно-учебного заведения, о посещении его членами императорской семьи, увидели уникальные фотографии из фондов музея. К сожалению, здание Бахтина кадетского корпуса было взорвано фашистами при отступлении в 1943 году.

Украшением праздника Михаила-архангела стало исполнение духовных песнопений сводным хором певчих храмов города Орла.

День Михаила-архангела проводился музейщиками уже четвертый год подряд. Познавательное, увлекательное мероприятие о большом воинском православном празднике дореволюционной России обогатило и ум, и душу всех, побывавших на нем.

Эльвира ЛЕГОСТАЕВА.
Фото Сергея МОКРОУСОВА.

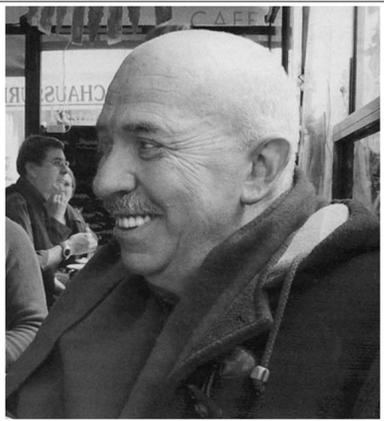

Еще во времена чеченской кампании я придумал незамысловатую притчу. Вообразите, говорил я собеседникам, а зачастую и оппонентам в неистовых спорах, что летом сорок первого в качестве спецкором центральных газет на переднем крае боев оказались не Константин Симонов с Ильей Эренбургом, не Аркадий Гайдар и не Роман Кармен, а, допустим, Елена Масюк с группой тогдашнего НТВ или Юлия Латынина, представляющая «Новую газету». О чем бы нам сообщили тогда эфир и страницы популярных изданий?

О том, что рослые армейские воины, прекрасно вооруженные, в хорошо пригнанной полевой форме безудержно наступают, а козопузая Рязань, как метафора низкорослой, плохо вооруженной Красной Армии в обмотках, в массе своей разбегается и сдается в плен целыми батальонами. Правда это была? Не подлежащая сомнению, чему были свидетелями не только журналисты, но и тысячи охваченных паникой граждан. Другой вопрос, куда бы мы делись с этой беспристрастной правдой, к чему бы пришли, если бы родители СМИ преподносили нам ее с сладкокровной объективностью энтомолога, описывающих волю черных и рыжих муравьев?

Я уже совсем забыл о своей навязчивой фантазии, как нападение стилизованных под американцев грузинских войск на Южную Осетию заново ее оживило. Экзерсисы и комментарии некоторых моих коллег питают мое бедное воображение. Даже представляю себе их уверенные заявления о том, что война с цивилизованной Германией, вне всякого сомнения, больше всего нужна Кремлю и силовикам, делающим карьеру и получающим немалые бабки. (Лексика позаимствована мною из конкретных текстов.) Потом выяснилось бы, что неразумное мое Отечество, оказывается, постоянно раздражало и нагло провоцировало своих благородных соседей, точили на них зубы, просто вынудив их однажды в очень удобный и хорошо выбранный момент спонтанно поддаться на провокацию. Далее прозвучали бы мнения о том, что в такой войне главное — это соизмерять силу отпора и ни в коем случае не допускать бомбежки, скажем, крупновских заводов, поскольку они находятся на значительном удалении от театра военных действий. Нет у меня сомнения и в том, что раздалась бы дружная похвала геббельсовской пропаганде, которая на популярном в мире языке очень доходчиво и ярко объясняет мировому сообществу превосходство немецкой культуры и национал-социалистических ценностей. Вот что значит выиграть в информационной войне, — восхищались бы мои объективные коллеги, не удержавшись, понятия, от шпилек по адресу руководства собственного Отечества, не способ-

Анатолий Сергеевич Макаров — известный писатель, переводчик, журналист. Родился 12 июля 1940 года в Москве. Окончил факультет журналистики МГУ. В 60-е годы начал печататься в еженедельнике «Неделя», с удостоверением специального корреспондента этого издания объехал всю страну... Как прозаик Анатолий Макаров дебютировал в 1974 году в журнале «Юность» с повестью «Человек с аккордеоном». Она принесла ему известность, была переведена на многие языки, легла в основу полнометражного художественного фильма (режиссер Н. Досталь, в ролях: В. Золотухин, И. Алферова, В. Сошальский, М. Пуговкин, Е. Евстигнеев) и театрального спектакля. Анатолий Макаров — автор романа «Жилплощадь» (1989), повестей «Мы и наши возлюбленные» (1981), «Футбол в старые времена» (1981), «Последний день лета» (1985), «Ночь, на исходе зимы» (1985), пьесы «Последний маскарад» (1992). Его перу также принадлежат «Александр Вертинский. Портрет на фоне времени» (1998), рассказы, очерки, эссе. В 2007-м Анатолий Макаров опубликовал роман «В ожидании звонка» — искренний и беспощадный, выдержанный в лучших традициях русской психологической прозы. Он рассказывает о том, что реально происходило в России и в душах населяющих ее людей за последние 15 лет.

умильно православного, но от конкретного, обитающего в казенных пятиэтажках, встающего в шесть утра, ездящего в автобусах и трамваях, отдыхающего на своих суглинистых шести сотках, не без напряжения сводящего концы с концами...

В былые времена в редакциях заставляли практикантов и стажеров приобщаться к «низкой» жизни: спускаться в шахты, залезать на вертолету растущих домен, в резиновых сапогах таскаться по колхозным полям. Без демагогии не обходилось? Само собою. И все-таки честный молодой газетчик исподволь приучался соотносить свои слова с реалиями этой неброской жизни... Это помогало ему и в дальнейшем сохранять баланс

какая любовь к другой стране и культуре. Даже не знаю, отличаются ли ею другие народы? Во всяком случае русская интеллигенция беззаветно любила Грузию всегда. И Грузия вроде бы любила русскую интеллигенцию, хотя иногда мне кажется, что больше снисходительно позволяла себя любить, поскольку Россия предоставляла необозримое поле для реализации обаятельных грузинских талантов.

И все бы ничего, но с первых дней независимости скрепляющим элементом национального самосознания грузинская элита избрала ненависть к России... Причем публичную, оскорбительную, скандальную. Хорошим тоном сделалось жаловаться на каждом углу на страшные страдания, якобы причиненные артистичным тонким грузинам варварским грубыми колонизаторами. От этих lamentаций нормальные люди впадали в ступор, уж больно трудно было забыть о том, что не было в огромной империи более привилегированных людей, чем эти бедные угнетенные...

Сменяя друг друга, новые тбилисские лидеры расходились во всем, кроме одного — неприязни к России. Ну хорошо, насколько мил не будет, но, если бы не эта заносчивая риторика, не стремление выставить себя большими американцами, чем сами американцы, и большими европейцами, чем сами немцы и французы, глядишь, дело бы не дошло до гибельного размежевания среди населяющих Грузию народов и до нынешних прискорбных событий. Вопреки подозрениям правозащитников, Россия не так уж возмущалась пресловутой «западнической» Грузией. В конце концов на Западе есть безупречно демократичные и нейтральные Швейцария, Швеция, Финляндия. Последняя вообще пример того, как при государственной мудрости с бывшими реальными притеснителями можно выстроить превосходные отношения, да еще и освою выгоду получить на их доверительности. Кстати, и в ангажированными в НАТО Францией, Италией и Германией у нас вполне лояльные отношения. Так что любить любую иноземную культуру никак и ни при каких условиях не возбраняется. С одной, однако, оговоркой, хорошо бы не в ущерб собственному народу. Так сказать, не повторяя широкого жеста петербургских студентов с телеграммой японскому микадо. Как говорится, «третий день пьем здоровье вашего императорского величества!»

Сменяя друг друга, новые тбилисские лидеры расходились во всем, кроме одного — неприязни к России. Ну хорошо, насколько мил не будет, но, если бы не эта заносчивая риторика, не стремление выставить себя большими американцами, чем сами американцы, и большими европейцами, чем сами немцы и французы, глядишь, дело бы не дошло до гибельного размежевания среди населяющих Грузию народов и до нынешних прискорбных событий. Вопреки подозрениям правозащитников, Россия не так уж возмущалась пресловутой «западнической» Грузией. В конце концов на Западе есть безупречно демократичные и нейтральные Швейцария, Швеция, Финляндия. Последняя вообще пример того, как при государственной мудрости с бывшими реальными притеснителями можно выстроить превосходные отношения, да еще и освою выгоду получить на их доверительности. Кстати, и в ангажированными в НАТО Францией, Италией и Германией у нас вполне лояльные отношения. Так что любить любую иноземную культуру никак и ни при каких условиях не возбраняется. С одной, однако, оговоркой, хорошо бы не в ущерб собственному народу. Так сказать, не повторяя широкого жеста петербургских студентов с телеграммой японскому микадо. Как говорится, «третий день пьем здоровье вашего императорского величества!»

О том, на хрен мне этот Цхинвал, никто лично ко мне с таким вопросом пока не обращался. Но предчувствую, что через некоторое время, когда изображение истерзаных, смертельно напуганных людей исчезнет с телевизионных экранов, а не исчезнет, то уже приесться, перестанет потрясать и ужасать, в эфире, на газетных страницах и в застольных разговорах возобладает привычное интеллигентское пренебрежение к основам российского мироощущения и бытия. Уже сейчас, забыв о том, что русский солдат буквально вчера спас жизнь тысячам женщин и детей, выскользнув комментаторы предпочитают рассуждать о неизлечимых российских имперских амбициях. Видимо, чтобы избавиться от этих упреков, России надо было бы ужаться до размеров Южной Осетии.

Желающих демонстративно пить за здоровье Саакашвили, Ющенко, прибалтийских и польских политиков нашлось немало. Выпью за любого, кто хотя бы раз публично уел и «срезал» Россию. И вино, и стол всегда найдутся.

Анатолий МАКАРОВ.

СМИ И ОБЩЕСТВО

Третий день пьем ваше здоровье

ного пленить просвещенное общественное мнение. О чем независимо наши наблюдатели предпочли бы упомянуть, так это о гибели и страданиях своих обреченных на заклятие соотечественников. С беспристрастной философской точки зрения, жертва, как известно, в немалой степени сама во всем виновата.

Я понимаю, что всякое сравнение хромает. Допускаю также, что изложенная здесь фантазия несколько утрирована и эксцентрична. Как говорится, для большей выуклости и убедительности факта, суть которого в том, что информационная война проигрывается стараниями не только зарубежных пропагандистов, но и тех, кого Пушкин называл «клеветниками России».

Очень сильно сомневаюсь в том, что великий русский поэт был ненавистником Польши и сторонником ее угнетения. Логичнее предположить, что его просто бесило всегданнее либеральное отрицание каких бы то ни было интересов России, неутолимое желание, чтобы в любом конфликте она потерпела поражение. «Как сладко Отчизну ненавидеть!» — это ведь тоже русский поэт написал, не такой великий, как Пушкин, но тоже искренний и отцеубийственной этой фразой вошедший в историю. Часто повторяют классическую максиму «Я не привык любить Отчизну с закрытыми глазами». Однако ведь и ненавидеть его, вытаращив глаза, никто не призывает.

И тем не менее сладострастных ненавистников своего собственного Отечества, увы, хватало всегда. Вспоминаются прогрессивные студенты, которые после Цусимской катастрофы российского фло-

та направили японскому императору поздравительную телеграмму по поводу победы над реакционным царским режимом. Русский простодушный народ сочинил песню о гибели крейсера «Варяг», утирал слезы при звуках вальса «На сопках Маньчжурии», но тогдашние ревнители «вольности и прав» испытывали радостное удовлетворение по случаю того, что деспоту и тирану нанесен непоправимый урон. Я не знаю, послала ли госпожа Боннер из американского далека приветствие образцовому демократу Саакашвили по случаю торжества грузинского оружия над несчастными цхинвальскими стариками и младенцами, но Россия в агрессии она обвинила за день до того, как российские танки пришли на помощь истеряемому осетинам. Россия с нынешней либеральной точки зрения виновата всегда.

Как евреи в известном «гарике» и за то, что Каплан стреляла в Ленина, и за то, что промахнулась. Нет сомнения, если бы российский войска не вошли бы в Южную Осетию, нашу страну прокляли бы за бездельность и бездушие, спасли жизнь тысячам невинных — ее обвиняют в великодержавности и превращении в полномочий.

Мне возражат: а вы бы хотели сталинского единогласия и единоумия? Не хотел бы. Я только полагаю, что никакая оппозиционность, никакая неприязнь к власти, никакая высокая принципиальность не должны перечеркивать историческую судьбу твоей Родины. Возражай, дискутируй, обосновывай позицию, выдвигай альтернативные концепции, но не радуйся, когда ради нетленных демократических идеалов плещут в лицо твоей стране и в упор расстреливают ее солдат.

Боже упаси призывать к тому, чтобы отображение действительности заменялось в журналистике целенаправленной пропагандой. Я только полагаю, что бывают обстоятельства, когда пресловутая объективность все равно оборачивается все той же пропагандой, только на этот раз разрушительной, разлагающей, если не осознанно вражеской. Тем более, если к тому же эта самая беспристрастность сопровождается злорадством по поводу любых отечественных неприятностей и проблем.

Раз уж в этих заметках невольно речь заходит о поэтах и стихах... Вчера ехал в троллейбусе по Комсомольскому проспекту и на билборде с портретом молодой Ахматовой прочел хорошо мне известные строки: «Но мы сохраним тебя, русская речь, великое русское слово». Уж как Анна Андреевна не любила советскую власть, уж как несправедливо была ею оскорблена и обижена, но в роковой момент истории, подавив личную боль, написала эти великие стихи, а не приветствие, скажем, цивилизованным германским освободителям.

Откровенно говоря, я долго не верил в нигилизм многих моих коллег по отношению к интересам нашей страны. Полагал, что имею дело просто с принятой в интеллигентской среде устной стилистической бесчестностью. Чего не ляпнешь за рюмкой в процессе классического русского непочтительного тоста. Но не так давно один мой коллега совершенно серьезно, с еле сдерживаемым разоблачительным пафосом задал мне вопрос: «А на хрена тебе этот Севастополь?». Он прекрасно знал, что я не принадлежу к компаниям прохановских профессиональных патриотов и

всеуе никогда не завожу разговоров, даже чисто условно, в частной компании способных поколебать сложившийся порядок вещей. Но он справедливо подозревал, что, сын своего времени, читавший Толстого, плакавший в детстве на фильме «Иван Никулин — русский матрос», гулявший по Графской пристани, с сердечным трепетом смотревший на памятник погибшим кораблям, я никогда внутренне, никогда не смирюсь с тем, что этот город отлучен от России. Подозревал и хотел мне продемонстрировать свое великодушное либеральное презрение к такому отстойному анахронизму, как причастность к своей стране и ее святыням.

Очень велико было обаяние журналистики, чья молодость совпала с русской свободой — веселой, непочтительной, радидально обновившей язык, не нуждавшейся в утомительных оговорках, чтобы изложить очевидный факт, еще не связанной себя обязательствами перед новыми хозяевами жизни. Между тем эти самые хозяйки (впоследствии их назовут олигархами) не скрывали того, что для завоевания командных высот в экономике и обществе им позарез необходимы новые журналисты. Сейчас об этом не принято вспоминать. Зато сформировать этих холодных профессионалов удалось быстро. И вот что любопытно: тех, кому власть заставляла себе служить, принято было упрекать в продажности, тех же, кто действительно купили, в продажности обычно не упрекают.

Никто не удивлялся тому, как быстро новые журналисты обрели стать, самоуверенность и привычки новых хозяев. Они уже настолько хорошо понимали свои интересы, что никакому магнату не было нужды вызывать их на ковер и

делать дополнительную наценку. С той самой поры любая борьба за олигархические интересы выглядит как священная защита свободы слова. И наоборот, всякая попытка оппортировать хозяйские интересы, как угодно талантливо преподнесенные, воспринимается как подлое на эту свободу покушение.

Тем не менее прекрасно понимаю, что дело отнюдь не в одной лишь меркантильной ангажированности. Новая генерация журналистов, для которой та же Отечественная война психологически событие, принадлежащее чуть ли не Средним векам, выдвинулась на передовые позиции в массмедиа в упорительный момент срыва «всех и всяческих масок». Немудрено, что заносчивое разоблачительство представляет собой первую, если не единственную функцию журналиста. Особо по отношению к государству и всем его институтам. Объяснять свою особую позицию, строить гражданское общество, основанное на лояльном умении возражать, осуществлять ежедневную позитивную деятельность представляется ей смертельно скучной. Куда как увлекательнее обличать и приговора — и заслуживающих такого обращения реальных бюрократов, и деятельных отцов Отечества, виновных лишь в том, что блудят его интересы, и, под горячую руку, всю мутьскую Россию, достойную осуждения самим фактом своего существования. Чтобы так бороться за идеалы свободы и демократии, действительно, надо очень не любить свою страну. Рефлекторно пренебрегать любыми ее нуждами. Или, выражу традиционным, будет страшно далеким от народа. Причем не от какого-то сусального, благостного,

между собственным мнением и общественным ожиданием, между заносчивыми своими притязаниями и земными надеждами, которыми живут «люди работы ранней».

А ныне двадцатилетняя бабышня, вдохновленная опытом кокетства на презентациях и тусовках, с праведным негодованием приговораждает государственных мужей трагическим вопросом: «Доколе?». И никто не объяснит ей, что власть иногда, порой, хотя бы изредка, но представляет интересы собственного народа и что пресловутое «величие», над которым принято просвещенно иронизировать, это не шовинистическая пьяная блажь, а органическое осознание именно конкретной народной судьбы.

Русскому сознанию свойственна такая неизяснимая трогательная черта — внезапная романтичес-